

1001 ночь.

Повесть о Тадж-аль-Мулуке

Был в минувшие время город позади гор Испаканских [172], называемый Зеленым городом, и был там царь по имени Сулейман-шах. И был он щедр, благодетелен и справедлив, прямодушен, достоин и милостив. И путники отовсюду шли к нему, и слава о нем распространилась во всех концах и странах света. И он провел, царствуя, долгое время, в спокойствии и величии, но только не имел потомства и жен. И был у него везирь, близкий к нему по свойствам в отношении щедрости и даров, и случилось так, что в один день среди дней он послал за своим везирем и призвал его пред лицо свое и сказал: "О везирь, поистине стеснилась моя грудь и истомилось терпение и ослабела моя стойкость, так как я без жены и ребенка, и не таков путь царей, правящих над людьми – и эмиром и бедняком, – ибо они плодятся, оставив детей, и умножаются ими число их и сила. Сказал пророк, – да благословит его Аллах и да приветствует: "Женитесь, плодитесь, размножайтесь: я буду хвалиться вами перед пародами в день воскресенья". Каково же твое мнение, о везирь? Посоветуй мне какой-нибудь разумный способ".

И когда везирь услышал эти слова, из глаз его полились, струясь, слезы, и он воскликнул: "Далеко от меня, о царь времени, чтобы заговорил я о том, что присуще всемилостивому! Или ты хочешь, чтобы я вошел в огонь из-за гнева владыки всеильного? Купи невольницу". – "Знай, о везирь, отвечал ему царь, – что когда царь купит невольницу, не зная ее родами по ведая ее племени – неизвестно ему, низкого ли она происхождения, чтобы ему отстранить ее, или она из почтенной среды и может стать его наложницей. А когда он придет к обладанию ею, она может понести от него, и окажется дитя лицемером, притеснителем и кровопроливцем. И невольница будет подобна болотистой земле: если посадить на ней растение, оно скверно вырастет и плохо укрепится. И такое дитя подвергнется гневу своего владыки, не делая того, что он повелевает и не сторонясь того, что он запрещает. И не буду я никогда этому причиной, купив невольницу, а желаю, чтобы ты посватал мне девушку из царских дочерей, род которой был бы известен и красота прославлена. Если ты укажешь мне знатную родом и благочестивую девушку, дочь мусульманских владык, я к ней посватаюсь и женюсь на ней в присутствии свидетелей, чтобы досталось мне благоволение господина рабов". "Поистине, Аллах исполнил твою нужду и привел тебя к желаемому, – отвечал везирь. – Знай, о царь, – сказал он, – до меня дошло, что у царя Зар-шаха, владыки Белой земли, есть дочь превосходной красоты, описать которую бессильны слова и речи. И не найти ей подобия в наше время, так как она совершенна до пределов – со стройным станом, насурьмленными глазами, длинными полосами, тонкими боками и тяжелыми бедрами, и, приближаясь, она искушает, а отворачиваясь, – убивает. И она захватывает сердце и око, как сказал о ней поэт:

О стройная! Стан ее ветвь ивы смутит всегда.

Ни солнце, ни серп лупы не сходны с лицом ее.

Слюна ее – словно мед, что смешан с пьянящим был

вином, и в устах ее жемчужин нанизан ряд.

И станом стройна она, как гурия райская,

Прекрасно лицо ее, и темны глаза ее.

И сколько убитых есть, погибших в тоске по ной!

Кто любит ее, тех путь опасен и страха поли.

Живу я – она мне смерть – назвать не хочу ее! [173]

Умру без нее, так жизнь не будет щедра ко мне".

И, окончив описание этой девушки, везирь сказал царю Сулейман-шаху: "По-моему, о царь, тебе следует послать к отцу ее посланца, понятливого, сведущего в делах и испытанного превратностями судьбы, чтобы он уговорил со отца выдать ее за тебя замуж, ибо ей нет соперниц и в дальних землях, ни в ближних, и подлинно достанется тебе ее красивое лицо и будет доволен тобою великий господь. Дошло ведь, что пророк – да благословит его Аллах и да приветствует! – сказал: "Нет монашества в исламе".

И тут пришла к царю полная радость, и грудь его расширилась и расправилась, и прекратилась его забота и горе, и он обратился к везиру и сказал: "Знай, о везирь, что никто не отправится для этого дела, кроме тебя, из-за совершенства твоего ума и твоей благовоспитанности. Пойди же в твоё жилище, закончи твои дела и соберись завтра, чтобы посватать за меня эту девушку, которой ты занял мой ум. И не возвращайся ко мне иначе, как с нею!" И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

А затем везирь отправился в своё жилище и приказал принести подарки, подходящие для царей: дорогие камни, пенные сокровища и другое из того, что легко на вес, по тяжко по цене, и арабских копий, и давидовы кольца [174], и сундуки с богатствами, описать которые бессильны слова.

И их нагрузили на мулов и верблюдов, и везирь поехал, а с ним сто белых рабов и сто черных рабов и сотня рабынь, и развернулись над его головой знамена и стяги. А царь повелел ему приехать обратно через малый срок времени. И после отъезда везиря царь Сулейман-шах был как на огневых сковородках, захваченный любовью к царевне и ночью и днем.

А везирь днем и ночью свивал под собою землю, в степях и пустынях, пока между ним и тем городом, куда он направился, не остался один лишь день. И тогда он остановился на берегу реки и, призвав одного из своих приближенных, велел ему отправиться скорее к царю Захр-шаху и уведомить царя о его приезде.

И приближенный ответил: "Слушаю и повинуюсь!" И поспешно отправился в тот город, и, когда он прибыл туда, случилось так, что во время его прибытия царь Захр-шах сидел в одном из мест для прогулок перед воротами города. И царь увидел гонца входящим и понял, что это чужеземец. Он приказал привести его пред лицо свое, и, явившись, посланец рассказал ему о прибытии везиря величайшего царя Сулейман-шаха, владыки зеленой земли и гор Испаканских. И царь Захр-шах обрадовался и сказал посланному: "Добро пожаловать!" И взял его и отправился во дворец. "Где ты покинул везиря?" – спросил он его, и гонец сказал: "Я покинул везиря в начале дня на берегу такой-то реки, и завтра он прибывает к тебе, – да продлит Аллах тебе навсегда свою милость и да помилует твоих родителей!" И царь Захршах приказал одному из своих везирей взять большую часть его приближенных, царедворцев, наместников и вельмож царства и выйти с ними навстречу прибывшему, в знак уважения к царю Сулейман-шаху, так как приказ его исполнялся по всей земле.

Вот что было с царем Захр-шахом. Что же касается везиря, то он оставался на месте до полуночи, а потом тронулся, направляясь к городу, и, когда заблестало утро и засияло солнце над холмами и равнинами, он не успел опомниться, как везирь царя Захр-шаха, его царедворцы, вельможи правления и избранные сановники царства явились к нему и встретились с ним на расстоянии нескольких фарсах от города. И везирь убедился, что его нужда будет исполнена, и приветствовал тех, кто встретил его, а они непрестанно шли впереди него, пока не прибыли ко дворцу царя и не дошли, предшествуя ему, до седьмого прохода, – а это было место, куда не въезжал верховой, так как оно было близко от царя. И везирь спешил и шествовал на ногах, пока не дошел до высокого портика, а на возвышении под этим портиком было мраморное ложе, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и стояло оно на четырех ножках из слоновых клыков. И на ложе этом была атласная зеленая подушка, обшитая червонным золотом, а над ложем возвышался шатер, расшитый жемчугом и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

драгоценными камнями, и царь Захр-шах сидел на этом ложе, и вельможи стояли перед ним.

И когда везирь вошел к нему и оказался пред лицом его, он укрепил свою душу и освободил свой язык, проявив красноречие везирей и заговорив словами велеречивых..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восьмая ночь

Когда же настала сто восьмая ночь, она сказала:

"Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь царя Сулейман-шаха вошел к дарю Захр-шаху, он укрепил свою душу, освободил свой язык и проявил красноречие везирей и заговорил словами велеречивых и указал на царя тонким указанием, произнеся такие стихи:

"Он явился к нам, изгибая нежно в одеждах стан,

И росой щедрот омочил он плод и сорвавших плод.

Он чарует пас, и бессильны чары и ладанки

Против взглядов глаз, нам колдующих волшебством своим.

Не корите же – ты скажи хулящим, – поистине,

Во всю жизнь мою я любви к нему не могу забыть,

И душа моя, обманув меня, лишь ему верна,

И ночной покой тяготится мною, любя его,

Только ты, о сердце, со мной теперь из сочувствия,

Пребывай же с ним и оставь меня в одиночестве.

Ничего ушам неохота слышать теперь моим;

Лишь хвалам Захр-шаху стремлюсь внимать я со всех сторон.

Этот царь таков, что когда всю жизнь ты истратил бы

За один лишь взгляд на лицо его, ты богат бы был,

А когда б решил помолиться ты за царя того,

Ты увидел бы, что с тобою все говорят: "Амины!"

Обитатели всех земель его! Правоверными

Не сочту я тех, кто покинет их, в край другой стремясь",

Когда везирь окончил эти нанизанные стихи, царь Захр-шах приблизил его к себе и оказал ему крайнее уважение. Он посадил его с собою рядом, улыбнулся ему в лицо и почтил его ласковыми речами, и они просидели так до утренней поры, и потом подали трапезу в этом же портике, и они ели, пока не насытились, а затем трапезу убрали, и все, кто был в этом покое, вышли и остались только приближенные. И когда везирь увидел, что покой опустел, он поднялся на ноги и восхвалил царя и поцеловал землю меж его рук, а потом сказал: "О великий царь и грозный господин, я направился к тебе и явился ради дела, которое даст тебе мир, добро и счастье. Я пришел к тебе как посланный и сват и хочу получить твою дочь, знатную родом и племенем, для царя Сулейманшаха, справедливого, прямодушного, милостивого и благодетеля, владыки этой земли и гор Испаканских. Он прислал тебе многочисленные дары и дорогие редкости и желает стать твоим зятем. А ты, стремишься ли ты также к этому?"

И он умолк, ожидая ответа. И когда царь Захр-шах услышал эти слова, он поднялся на ноги и облобызал чинно землю, и присутствующие удивились смирению паря перед послом, и ошеломлен был их разум. А потом царь восхвалил высокого и милостивого, и сказал, продолжая стоять: "О великий везирь и благородный господин, послушай, что я скажу. Мы – царя Сулейман-шаха подданные, и породниться с ним для нас почетно, и мы жаждем этого. Моя дочь – служанка из служанок его, и величайшее желание мое, чтобы стал он моей поддержкой в нужде и опорой". И потом он призвал судей и свидетелей, и они засвидетельствовали, что царь Сулейман-шах уполномочил своего везиря заключить брак. И царь Захр-шах заключил договор своей дочери, предовольный.

А потом судьи утвердили брачный договор и пожелали супругам успеха и удачи, и тогда везирь поднялся и велел принести доставленные им подарки и дорогие редкости и дары и поднес все это царю Захр-шаху, а после того царь принялся снаряжать свою дочь, оказывая везирию уважение, и собрал на свои пиры и великих и низких.

И он устраивал торжества два месяца, не упустив ни чего, что радует сердце и око. И когда все нужное для невесты было полностью готово, царь приказал выставить шатры.

Их разбили вне города и сложили материи в сундуки и приготовили румийских невольниц и прислужниц-турчанок, а царь отослал вместе с невестой ценные сокровища и дорогие камни. И, кроме того, он сделал ей носилки из червонного золота, вышитые жемчугом и драгоценностями, и назначил для одних этих носилок двадцать мулов, чтобы их везти. И стали эти носилки подобны горнице среди горниц, и владелица их была точно гурия из прекрасных гурий, а купол над ними напоминал светлицу из райских светлиц. И сокровища и богатства увязали, и они были нагружены на мулов и верблюдов. И царь Захршах проехал с отъезжающими расстояние в три фарсаха, а потом он простился с везирем и с теми, кто был с ним, и вернулся в родной город, радостный и спокойный. А везирь поехал с царской дочерью и непрестанно проезжал остановки и пустыни..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто девятая ночь

Когда же настала сто девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь отправился с дочерью царя и поехал, непрестанно проезжая остановки и пустыни и ускоряя ход и ночью и днем, пока между ним и его страной не осталось три дня пути. И тогда он послал человека, чтобы известить царя Сулейман-шаха о прибытии невесты. И гонец поспешно поехал и, прибывши к царю, сообщил ему, что невеста прибыла. И царь обрадовался и наградил посланца и велел войскам выходить в великолепном шествии навстречу невесте и тем, кто с нею, в знак уважения, и чтобы они были в лучших одеяниях и развернули бы над головами знамена.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И войска исполнили его приказание. И глашатай закричал, чтобы в городе не оставалось ни девушки-затворницы, ни почитаемой госпожи, ни разбитой старухи, которая бы не вышла встречать невесту. И они все вышли навстречу ей, и знатные среди них старались ей услужить. Они сговорились отвести ее к ночи в царский дворец, а вельможи царства решили украсить дорогу и стояли, пока невеста не проследовала мимо, в предшествии евнухов, и невольницы шли перед нею. И одета она была в платье, которое дал ей отец. Когда она приблизилась, войска окружили ее, справа и слева, и носилки с нею двигались до тех пор, пока не достигли дворца. И никого не осталось, кто бы не вышел посмотреть на нее, и начали бить в барабаны, играть копыями и трубить и трубы. И вокруг веял аромат благовоний, и трепетали знамена, и кони неслись вперегонку, пока шествие не прибыло к воротам дворца.

И слуги поднесли носилки к потайной двери, и местность осветилась блеском царевны, и во все стороны засияли драгоценности, украшавшие ее. А когда подошла ночь, евнухи открыли вход в палатку и встали вокруг входа, а потом пришла невеста, и она, среди рабынь, была как месяц среди звезд, или бесподобная жемчужина между нанизанным жемчугом.

И она вошла внутрь шатра, где ей поставили мраморное ложе, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и села на это ложе, и тогда вошел к ней царь (а Аллах заронил в его сердце любовь к девушке) и уничтожил ее девственность, и прошло тогда его волнение и угнетенность.

И он пробыл подле нее около месяца, и она понесла от него в первую же ночь, а когда месяц окончился, царь вышел и сел на престол своего царства и справедливо судил своих подданных, пока не исполнились ее месяцы.

А в конце последней ночи девятого месяца, на заре, пришли к ней потуги, и она села на кресло разрешения. И Аллах облегчил ей роды, и она родила мальчика, на котором блестели признаки счастья. И когда царь услышал о сыне, он обрадовался великой радостью и подарил возвестившему об этом большие деньги и, счастливый, отправился к мальчику и поцеловал его меж глаз, радуясь его чудной красоте. И на нем оправдались слова поэта:

Крепостям величия послал Аллах в этом юноше

Льва сурового, и звезду послал небесам властей.

Его видеть рад и престол царя, и копыя зубец,

И толпа людей, и войска в рядах, и лань быстрая.

Не сажай его на грудь женщины – ведь поистине

Он найдет потом спину лошади более легкою.

Отлучи его от груди ее – он найдет потом

Кровь врагов своих самым сладостным из напитков всех.

И затем няньки взяли этого младенца, обрезали ему пуповину, насурьмили ему глаза и назвали его Тадж-аль-Мулук-Харан [175]. И был он вскормлен сосцом изнеженности и воспитан в лоне счастья.

И дни беспрестанно бежали, и годы шли, пока не стало ему семь лет, и тогда царь Сулейман-шах призвал ученых и мудрецов и повелел им обучать своего сына чистописанию, мудрости и вежеству. И они провели за этим несколько лет, пока мальчик не научился тому, что было нужно. И когда он узнал все, что требовал царь, тот взял его от законовевдов и учителей и привел ему наставника, чтобы тот научил его ездить на коне. И наставник обучал его этому, пока ему не стало четырнадцать лет. И когда юноша выезжал за каким-нибудь делом, все, кто его видели, были очарованы..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто десятая ночь

Когда же настала сто десятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Тадж-аль-Мулук-Харан, сын царя Сулейман-шаха, стал искусен в езде на коне и превзошел людей своего времени крайней прелестью, и он был так прекрасен, что когда он выезжал по какому-нибудь делу, все, кто его видели, очаровывались им. И о нем слагали стихи и благородные люди позорились, влюбляясь в него, такую он отличался сияющей красотой, и сказал о нем поэт:

Обнялись мы с ним, и упился я его запахом:

Он – молодая ветвь, что напоена ветром веющим.

Точно пьяный он, что вина не выпил, а только лишь

От пьянящей влаги слюны его охмелел он вдруг.

Оказалась прелесть, вся полностью, им плененною,

И поэтому все сердца пленил этот юноша.

Я клянусь Аллахом, забвение не придет на ум,

Пока жизни цепь тяготит меня, да и позже нет.

Если жив я буду-то буду жив, лишь любя его,

А умру – так смерть от любви придет, – как прекрасна смерть!

А когда ему стало восемнадцать лет, зеленый пушок пополз по родинке на его румяной щеке и украсило ее родимое пятно, подобное точке амбры, и юноша похищал умы и взгляды, как сказал о нем поэт:

Он преемником по красе своей стал Иосифу

И влюбленных всех устрашает он, появившиеся.

О, постой со мной и взгляни, – быть может, увидишь ты

На щеке его халифата знак – знамя черное [176],

Или, как сказал другой:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Не увидят очи прекраснее твои зрелища,

Среди всех вещей, что увидеть могут люди,

Чем то пятнышко, еще юное, на щеке его

Разрумяненной, ниже глаз его столь черных.

Или, как сказал другой:

Дивлюсь я на роднику – огню она молится.

Как маг, во щеки не жжет, в неверье упорная.

Еще удивительней посланник в глазах его,

Что знаменья подтвердит, хоть, право, волшебник он.

Но вовсе не свежим пухом блещет щека его,

А желчью из лопнувших с тоски по нем печеней.

Или, как сказал другой:

Я дивлюсь вопросам людей разумных, в какой земле

Вода жизни пьется и где течет поток ее.

Ее вижу я: на устах газели изнеженной,

Чьи так сладки губы и свеж пушок, на них выросший.

И дивлюся я, если б встретил Муса на месте том,

Этих струй поток он не вытерпел бы наверное.

И когда он сделался таким и достиг возраста мужей, его красота еще увеличилась. А затем у Тадж-аль-МулукаХарана появились любимцы и друзья, и всякий, кто стремился к нему приблизиться, надеялся, что юноша станет султаном после смерти отца, а он будет у него эмиром.

Тадж-аль-Мулук привязался к охоте и ловле и не прекращал ее ни на один час. И его отец Сулейман-шах запрещал ему это, боясь бедствий пустыни и диких зверей, но юноша не слушался его. И случилось, что он сказал своим слугам: "Возьмите корму на десять дней", – и они последовали его приказанию.